

Злата Хитрова • Ада Огнева

ИЗМЕНА МУЖА.
Чужой сын
назвал меня мамой!

Ада Огнева

**Измена мужа. Чужой
сын назвал меня мамой!**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Измена мужа. Чужой сын назвал меня мамой! / А. Огнева —
«Автор», «Автор», 2026

Муж привёл домой трёхлетнего мальчика и объявил: «Мы усыновляем сироту». Я не спала ночами, утешала малыша и уже полюбила его как родного. А потом узнала правду: Никита — сын Игната и его любовницы. Меня заранее назначили бесплатной нянькой, уверенные, что я никуда не денусь. Я ушла. Но ребёнка, который тянется ко мне и зовёт мамой, бросить не смогла. Теперь муж грозит отнять Никиту, свекровь требует молчания, а на работе меня хотят уничтожить. Только директор завода Фёдор Ладин неожиданно встаёт на мою сторону. Но у Фёдора тоже есть свои тайны. Смогу ли я сохранить мальчика, разоблачить предателя и поверить в новую любовь?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Злата Хитрова

Измена мужа. Чужой сын назвал меня мамой!

Глава 1

В шесть вечера вторника позвонили в дверь. Салфетки я так и бросила на стол: пицца приехала раньше Игната. Мы собирались отметить его повышение, и я даже выбрала для него тарелку без скола. Открыла — на пороге Тамара. Муж стоял за её плечом и улыбался так, что мне сразу захотелось проверить, не забыла ли я какую-нибудь семейную дату.

Тамара держала трёхлетнего мальчика. Грязный пуховик сбилсся у него под мышками; в кулачке была пустая бутылка. Пока я смотрела на Игната, малыш всхлипнул и потянул горлышко ко рту. Я машинально оглянулась на кухню: дать воды? У нас даже детской кружки не было.

— Златочка, — голос Тамары звучал сладко, но слишком громко для подъезда. — Мы тут подумали. Ты же всегда хотела детей? Ну вот, Бог послал нам подарок. Сирота. Из приюта «Надежда». Документы уже почти готовы, опека одобрила кандидатуру семьи Игнатьевых. Мы забрали его сегодня, чтобы он не привык к чужим стенам.

Отступив, я ударилась плечом о косяк. Хотелось выйти на площадку и поговорить с Игнатом без Тамары, без ребёнка на руках. Но свекровь уже подалась внутрь. — Игнат, что это такое? Мы договаривались обсудить это в выходные! У нас нет ни одной комнаты, свободной для ребёнка, мы даже ремонт не закончили! Это... это безответственно. Вы не имели права приводить его сюда, пока я не дала согласие.

Игнат оттеснил меня локтем, как делал, когда я мешала ему пройти к холодильнику. Потянуло маслом, табаком и одеколоном. Обычно я целовала его в щёку, не замечая запаха. Сейчас отвернулась. — Хватит истерик, Злата. Ты ведёшь себя как эгоистка. Помнишь, сколько раз ты плакала в ванной, когда тесты показывали две полоски, а потом всё срывалось? Ты сама говорила: «Господи, дай мне хоть кого-то любить». Вот тебе дали. Не благодаришь, а ноешь.

Тамара закрыла дверь. Я была выше её, но она подняла подбородок и осмотрела меня от плеч до тапочек. С этим выражением она находила у меня пыль на полках. Теперь, кажется, искала что-то похуже. — Бери его, Злата. Посмотри, он дрожит. Ему нужна мать. А у тебя есть только работа и амбиции. Где твоя женская мудрость?

Ребёнок поднял голову. Глаза были красными, ресницы слиплись от слез. Он протянул ко мне ручки. Я подхватила его раньше, чем успела снова спросить про документы. Мальчик был легким, как птичка, и пах старым потом и дешевым детским мылом. Как только он оказался у меня на руках, Тамара и Игнат переглянулись. Их напряжение спало. Игнат уже отвёл глаза, потянулся к пульту. У Никиты дрожала губа. Отпустить его на пол и продолжить ссору я не смогла.

Имя пришлось спросить самой. Никита. Всю ночь он звал маму, а я сидела с ним на полу комнаты, где пока складывали коробки. От укачивания заныло под лопатками. Стоило изменить положение рук — он вскидывался, хватал меня за футболку. Я начинала опять: «Тише, малыш, тише». Других слов уже не осталось.

Когда я наконец выбралась в коридор, чтобы выпить воды, Игнат вышел из спальни. Он зевал, потирая живот. — Игнат, пожалуйста, посиди с ним десять минут. Мне нужно принять душ, я вся мокрая от его слюней. Я не могу больше.

Игнат почесал живот и посмотрел мимо меня, в спальню. Уже собирался возвращаться. Я поймала себя на том, что прошу его жалкие десять минут почти шёпотом: вдруг разозлится ещё больше? — Бабы должны терпеть, Злата. Это их природа. Ты привязалась к нему, значит, ты и разбирайся. Не мешай спать человеку, который завтра будет решать судьбу цеха.

Он захлопнул дверь и повернул ключ. Я осталась снаружи. Так просто: одной рукой закрылся от меня и от всего, что сам приволок домой.

Никита наконец уснул на матрасе, поджав ноги. Я осторожно высвободила футболку из его пальцев и дотянулась до сумки. Может, там игрушка, с которой он засыпал у себя? Что-нибудь знакомое. Вытряхивать вещи было страшно — разбужу. Достала по одному смятые медицинские справки, проверила даты: позавчера. На дне оказалась грязная пелёнка. Больше ничего.

На уголке пелёнки нашлась бирка: частный роддом «Элита». Тамара любила журналы с рекламой этой клиники; я помнила фотографии палат и обещание личного врача. Сама бы такую пелёнку не купила. Ребёнку три года, бирке, может быть, столько же. Откуда она у приютского мальчика? Я сложила ткань биркой вверх. Утром спрошу.

Овсянка остывала прямо на ложке. Я сварила её пожиже и усадила Никиту на высокий стул: после такой ночи он наверняка голодный. Но он отпихнул мою руку, едва я поднесла еду. — Кушай, милый. Пожалуйста.

— Не хочу! Хочу Оксану! — закричал он. Я замерла с ложкой. Оксану. Не «мamu», а имя.

Тамара вошла с телефоном, услышала Никиту и даже не переспросила. Посмотрела в тарелку, скривилась. — Что ты ему даешь? Кашу? Он никогда не ест кашу. Он любит пюре с трюфелем. Злата, ты даже не знаешь базовых вещей о ребенке, которого берешь в семью. Ты просто думаешь, что материнство — это жалость.

— Он назвал имя женщины, — тихо сказала я, глядя на свою руку, дрожащую над тарелкой. — Кто такая Оксана?

Тамара ткнула в экран, открыла страницу Оксаны в соцсетях. Я наклонилась к телефону, прежде чем она успела его убрать. На снимке молодая женщина с ярким макияжем держала на руках новорожденного. Подпись гласила: «Мой маленький герой растёт здоровым благодаря папе». На виске малыша темнела родинка — там же, где у Никиты. Я всмотрелась в дату: три года назад. Потянулась увеличить снимок, но Тамара отдернула телефон.

— Это просто совпадение, — начала Тамара, но её тон был слишком спокойным. — Оксана работает кассиром в нашем магазине. Хорошая девушка. Но не путай чужие жизни со своей фантазией. Ешь свой завтрак, Злата, и научись готовить нормально.

Я оставила Никиту с Тамарой и накинула пальто на домашнюю одежду. Завязать шарф толком не смогла, затолкала концы за ворот. Игнат был на заводе. Пусть повторит про приют, глядя мне в лицо, а не из-за маминого плеча. На проходной гудели турбины; я прошла на привычный звук, почти не замечая людей.

Я поймала его у служебного входа, где курили мастера. Игнат увидел меня и помрачнел. — Ты чего здесь? Опять истерики?

— Фотография, — я схватила его за рукав спецовки. Грязная ткань впилась в мои пальцы. — Никита. Оксана. Объясни мне, почему ребёнок из «приюта» так похож на сына кассирши, с которой ты общаешься каждый день?

Игнат резко вырвал руку, оттолкнув меня так сильно, что я едва не упала в лужу мазута. — Ты параноик, Злата! Тебе завидно, что другие женщины могут рожать легко, а ты — нет? Ты хочешь разрушить нашу семью из ревности к бывшей любовнице, которая давно забыта? Если ты продолжишь копать эту чушь, я лишу тебя права голоса в этом доме. Поняла? Иди домой.

Когда он отвернулся, куртка распахнулась. Из кармана торчал золотой слоник на связке новых ключей. Моих там не было — я знала каждый наш брелок. Я вдохнула и задержала

дыхание: те же духи, что на пелёнке. «Coco Mademoiselle». Думала, показалось ночью, от усталости. Теперь запах был прямо передо мной, на муже.

Лене я позвонила с проходной. Мы дружили со времён университета; если кому и можно было вывалить всё разом, так ей. В кафе у парка я никак не могла рассказать по порядку. Возвращалась к бирке, перескакивала на ключи, опять начинала с Никиты. От слёз намокла салфетка, но я всё тёрла ею лицо.

Лена помешивала сахар в кофе, не глядя на меня. — Злата, ну правда. Мужики они такие. Игнат же начальник, у него стресс. Может, эта Оксана просто родственница? Или соседка? А дети... дети всегда говорят разные вещи. Главное, что у вас есть сын. Ты так долго ждала ребенка. Не порти себе жизнь из-за подозрений. Прояви мудрость. Потерпи. Стабильность важнее правды.

Лена продолжала водить ложечкой по чашке, хотя сахар давно растворился. Я ждала вопроса: где документы? Или хотя бы: чем помочь? Вместо этого она опять попросила меня быть мудрее. Я отодвинула чашку. Сейчас не выпью. И ещё раз пересказывать ей нашу ночь не смогу.

Поздно вечером в гостиной смеялись Игнат и Тамара. Телевизор гремел; Никиты я не слышала. Прошла в кабинет и придержала дверь, когда та скрипнула. Никто не окликнул. Вчера я бы сразу крикнула: «Это я!» Сегодня постояла секунду, дождалась новой шутки с экрана и отпустила ручку.

На столе лежала папка «ОПЕКА/ДОКУМЕНТЫ». Даже искать не пришлось. Я смотрела на надпись и не решалась поднять крышку. А если там всё как надо? Тогда придётся извиняться. Если нет... Я подцепила край ногтем и открыла.

Глава 2

Внутри не было ни одного официального бланка органов опеки. Ни договора о передаче ребёнка. Ни акта обследования жилищных условий. Только один листочек бумаги, написанный от руки на фирменном бланке частного роддома. Расписка. Оксана подписала её месяц назад: «Передаю ребёнка Никиту Игнатьеву И.А. по договорённости об обеспечении содержания матери и сына. Официальное усыновление оформляется фиктивно через знакомых в администрации.»

Рядом лежала копия паспорта Оксаны. Фамилия — та же, что на странице: Оксана не была чужой Никите. В графе «дети» была запись о Никите.

Но самым страшным было последнее письмо. Распечатка переписки из мессенджера. Игнат писал Оксане: «Злата дура, поверит в приют. Потом привяжется к нам навсегда, потому что полюбит этого мальчишку сильнее, чем нас. Будет терпеть, кормить, не спать. Идеальная нянька для нашего наследника. Скоро подадим на развод официально, если надоест, но скорее всего, она сама не уйдёт. Ей некуда деваться с ребёнком.»

Меня замутило. Меня выворачивало наизнанку. Он писал это до того, как привёз мальчика. Заранее решил, что я полюблю, буду кормить и не уйду. Вчерашняя ночь, каша, мокрая от детских слёз футболка — всё уже было расписано без меня. Я стояла перед его столом и не могла разжать пальцы.

— Ну что, поняла, кто теперь главный?

Обернувшись, я чуть не задела локтем стол. Игнат подпирал дверной косяк, руки скрещены. Даже бровью не повёл, увидев бумаги. Тамара улыбалась из-за его плеча. Они стояли так же, как вчера на площадке. Только теперь у меня в руках была их переписка, и ни один не попросил её вернуть.

Я сжала бумагу так, что она превратилась в комок. В горле встал ком, но слез не было. Бумага хрустела в кулаке. За стеной снова всхлипнул Никита, и Игнат даже не повернул головы. Я посмотрела на дверь: сначала нужно было успокоить мальчика. А потом собрать свои вещи.

Я расправила смятую переписку и сунула Игнату под нос. Ещё минуту назад он спрашивал, кто главный, а теперь уткнулся в телефон. — Посмотри сюда, Игнат. Это ты написал. Про Никиту. Про меня. Он даже не повернул голову. Прокручивал ленту новостей на телефоне, щелкая ногтем по экрану. — Подделка, Злата. Переписку подделала для развода. Ты же знаешь, как я ненавижу эти твои детективные сериалы? Оставь меня в покое со своей ревностью. Он прокрутил ещё одну новость, пока я держала лист у его лица. Я следила за пальцем на экране и никак не могла сообразить: он хоть прочитал? Или ему даже изображать оправдания больше не нужно?

Я бросилась к Тамаре. Свекровь уже вернулась к своему креслу у окна, к шарфу для внука. Она провязала петлю, другую. Я смотрела, как ровно ложится нитка: минуту назад эта женщина стояла за спиной мужа и улыбалась. — Тамара Петровна, взгляните! Разве это нормально? Она подняла голову и заговорила со мной как с больной. Взяла мою руку, погладила костяшки пальцев. — Бедная моя девочка. Гормоны шалиют, нервы ни к чёрту. Пойдём, чайку заварю, с мятой. Успокоительное выпьешь. Документы в порядке, всё законно. Тебе просто нужно выспаться. Я отняла руку. От её поглаживания было хуже, чем от крика Игната: она держала меня за костяшки, словно уже вела к врачу. Бумагу ни один из них так и не прочитал вслух.

— Покажи оригиналы документов на усыновление! — мой голос сорвался на визг. Игнат наконец отложил телефон. Усмехнулся уголком рта. — Бумаги в сейфе директора завода. Не для женских глаз, Злата. Ты хочешь разрушить семью из-за своих параноидальных фантазий? Прекрати этот цирк или иди спать.

В детской Никита спал. Я вошла и остановилась возле матраса: хоть он сейчас не слышит нашей ругани. Коснулась его футболки на плече, проверяя, не вспотел ли. Хотелось поправить одежду, укрыть, сделать хотя бы это, раз ничего другого для него пока не могу. Дверь ударила о стену. Игнат стоял на пороге, преграждая выход. — Не смей трогать моего сына! — он зарычал, схватив меня за запястье. Боль обожгла кожу. — Вызову полицию. Похищение ребёнка. Истерика в общественном месте. Ты уже достала всех. Тамара появилась следом, прижимая платок к груди. — Злата, ты нас убиваешь! Зачем тебе чужой ребёнок? Оставь Никиту в покое! Никита проснулся. Его глаза расширились от страха. Он посмотрел на меня, потом на отца, и заплакал тихим, беззвучным плачем. Я отдернула руку. Он вздрагивал от каждого нашего слова. Я вышла и притворила за собой дверь, стараясь не хлопнуть.

В спальне я металась, собирая вещи. Джинсы, свитера, косметичка. Руки дрожали так, что молния на чемодане никак не застегивалась. Игнат вошёл. Не помог. Просто встал в дверном проёме, засунув руки в карманы. — Уйдёшь — останешься ни с чем. Ни мужа, ни сына, ни дома. Кто тебя возьмёт такую истеричку? Ты слабая, Злата. Тебе нужен я. Я разгладила рукав блузки на крышке чемодана. Слушала и складывала. Он ждал ответа, а я считала, что ещё осталось забрать. Не дам ему опять заставить меня оправдываться.

До двери оставалось пройти мимо Тамары. Я потянула чемодан к порогу, но свекровь вцепилась в рукав. Пальто натянулось на плече; стоило отойти дальше, и она дернула бы меня назад. — Если выйдешь сейчас — никогда не увидишь Никиту, — прошипела она мне в лицо. Теперь я слышала угрозу без обещаний чая и заботы. — Мы сделаем всё, чтобы суд был против тебя. Ты будешь одна в какой-нибудь съёмной квартире с долгами. Позор. При слове «Никита» я перестала тянуть рукав. Тамара сразу сжала пальцы крепче. Она заметила, чем меня можно остановить. Я опустила глаза на её руку: ещё немного, и ткань затрещит.

Рукав удалось выдернуть. Я открыла дверь и на мгновение остановилась: сейчас Игнат скажет, что чемодан тоже его, что я не имею права... Он молчал. Тамара отступила к стене. Я поставила чемодан на площадку, сняла с колечка ключи от квартиры и положила на тумбочку. Звякнуло громче, чем хотелось. Проверила в кармане ключ от машины. Он был мой. Подхватила чемодан и пошла к лестнице.

Дождь барабанил по крыше моей старой «Лады» на парковке у завода. Стеклоочистители скрипели, размывая огни цеха. Телефон завибрировал. Экран вспыхнул: Неизвестный номер. Я ответила, ожидая истерики Игната. — Злата? Это Ладин. Я видел тебя у проходной. Завтра с утра зайди ко мне с расчётами по четвёртому цеху. Нужно поговорить о цифрах... и о том, почему твой муж считает, что может лгать директору.

В «Заре» я оставила чемодан и последние наличные. Утром надела вчерашнюю блузку — от неё пахло потом, дезодорант не помог — и пошла на завод. Туфли тёрли мизинцы; быстрее идти было больно, медленнее страшно. Ладин сам позвонил. Если опоздаю, он решит, что я и по работе такая же, как в Игнатовых рассказах: сперва скандалю, потом пропадаю. Папку с расчётами я прижимала к боку.

У входа гудела вентиляция. По ковровому покрытию опять прошлись мокрыми ботинками, и пахло так же, как все восемь лет моей работы здесь. Обычно я на ходу здоровалась с Виталием. Сегодня заранее достала пропуск, чтобы не задерживаться у его стойки.

Я попыталась войти через главный вход, но охранник, Виталий, которого я знала ещё с первого рабочего дня, даже не поднял глаз от телефона. — Злата Сергеевна, — сказал он монотонно, будто читал приговор. — Приказ Игната Александровича. Бывшей жене вход воспрещён. В отдел кадров тоже. Пропуск аннулирован. Он повернулся спиной, блокируя турникет своим массивным телом.

Мне захотелось показать Виталию звонок на телефоне, доказать, что я не придумала приглашение. Но он уже назвал меня бывшей женой. Значит, я тоже буду говорить по делу, а не просить поверить. — Позвони секретарю Фёдора Сергеевича, — мой голос прозвучал

сухо, без интонации. — Скажи, что я пришла по его вызову. Виталий хмыкнул, скривив рот в ухмылке. — Директор тебя не звал. Ты кто? Машинистка? У нас тут порядок. А ты, слышал, психическая. Сбежала с чемоданом, мужа оговариваешь... — Я экономист завода. Занимаюсь четвёртым цехом. Стаж восемь лет. И если ты не исполнишь мою просьбу, я буду вынуждена сообщить об этом в службу безопасности дирекции, а не цеха. Там есть протокол допуска для персонала категории «А». Ты его не знаешь, потому что твои руки нужны только для того, чтобы открывать дверь.

Виталий убрал телефон. Оглянулся на проходную, словно хотел проверить, кто слышал мои слова. Я держала пропуск на виду и ждала. Восемь лет стажа по его желанию с карточки не сотрёшь. — Жди, — буркнул он, доставая рацию. После короткого разговора Виталий пропустил меня через турникет. Я поднялась в приёмную Ладына, где он велел ждать секретаря.

В приёмной я вынула папку и поправила загнутые углы. Таблицы по четвёртому цеху за прошлый квартал, графики, пересчёт себестоимости — всё было на месте. Игнат выбрасывал эти листы в корзину, называл бумажной волокитой. Я печатала их заново. Сейчас мне хотелось, чтобы Ладин сразу открыл страницу с итогами. Достаточно сравнить две колонки, и он увидит, зачем я пришла.

Настя вышла через пять минут и первым делом поправила вещи на своём столе. Моё ожидание её совершенно не тревожило. Я отодвинула сумку от прохода, приготовилась объяснять заново. — Фёдор Сергеевич занят, — сказала она, даже не глядя на меня. — Записей нет. Вы можете оставить заявку в общей очереди. Если повезёт, вас примут через месяц. — Передай это ему, — я положила папку на её стол. Палец дрогнул, но я стиснула челюсти, чтобы остановить дрожь. — Он поймёт. Это касается цеха четвёртого. План провален на тридцать процентов. Деньги утекают. Настя презрительно усмехнулась, ковыряя ногтем край стола. — Вы же жена Игната. Или бывшая. Какая разница? Вам лучше не соваться сюда со своими скандалами. Вы позорите завод. Все знают, что вы истеричка. — Я не жена. Я сотрудник. И эти бумаги важнее вашего мнения, Настя. Просто передай.

Она взяла папку двумя пальцами, как грязную тряпку, и скрылась за дверью. Я осталась ждать. Минуты тянулись часами. Мой телефон вибрировал: сообщения от соседки, слухи, которые уже поползли по общагам. «Игнат прогнал жену», «она свихнулась», «спит с кем-то». Я отключила уведомления. Над цифрами не должно было прыгать соседкино «все уже знают».

Ждать пришлось ещё десять минут. Дверь открылась; я уже приподнялась со стула. Из кабинета вышел Игнат.

Глава 3

На Игнате перекосилась рубашка: одну пуговицу пропустил. Он обычно звал меня поправить, прежде чем выйти из дома. Сейчас остановился передо мной и усмехнулся. Мои пустые руки он уже заметил: папка оставалась у секретаря. — Злата, — протянул он. Голос был мягким, почти ласковым, и от этой ласки меня передёрнуло. — Что ты здесь делаешь? Я же просил Виталика не пускать тебя. Мы договорились. Развод идёт тихо. Зачем портить нервы?

Он подошёл так близко, что пришлось отклониться, чтобы видеть лицо. Хотел загородить меня от приёмной, говорить здесь как дома. Я поискала взглядом Настю: она отлично слышала, но смотрела в стол. — Уходи, Злата, — понизил он голос до шепота, который слышали только мы двое. — Пока я добрый. Ладин тебя не примет. Он ценит дисциплину. А ты — хаос. Вернись домой. Никита плачет. Ему нужна мама. Он протянул руку, чтобы схватить меня за локоть. Его пальцы сомкнулись на моей коже, крепкие, уверенные, привыкшие контролировать.

Запястье выскользнуло из его пальцев, плечо заболело от рывка. Я шагнула к нему, пока он не успел ухватиться снова. Больше нельзя пятиться: сзади стул, дальше дверь. — Убери руки, Игнат, — сказала я. Плечо дёргало, и удерживать голос пришлось стиснутыми зубами. — Ты мне никто. Ни муж. Ни хозяин. Ни судья. Ты — начальник цеха, который ворует, и трус, который прячется за юбку матери.

Игнат сжал губы, потом открыл рот слишком широко. Я успела понять: спокойно отпустить меня он не собирается. — Ты пожалеешь! — прошипел он. — Я тебя здесь сотру в порошок. Ни одна контора тебя не возьмёт после такого скандала. Ты будешь мыть полы, Злата! — Возможно, — ответила я. — Но пока я стою здесь. А ты можешь идти в свой кабинет и считать деньги, которые тебе осталось украсть.

Дверь за моей спиной открылась. — Игнат Александрович, — голос был низким, бархатым и абсолютно лишённым эмоций. — Оставайтесь здесь. Злата Сергеевна, прошу в кабинет.

Ладин стоял на пороге в чёрном костюме. Я видела его на совещаниях, но редко так близко: запонки, край манжеты, широкое плечо, за которое мог бы спрятаться весь мой чемодан. Он посмотрел на Игната, и муж отступил. Я заметила это прежде, чем разобрала слова. — Фёдор Сергеевич, я... — Достаточно.

Игнат шагнул первым, но Ладин остановил его у порога: — Вы подождёте. Он пропустил меня в кабинет и закрыл дверь, отсекая шум коридора. Внутри царил полумрак, пахло дорогим табаком и кожей кресел. Ладин не сел. Он стоял у окна, держа в руках мою папку. Он не смотрел на меня. Он листал документы.

Меня трясло. Он перелистывал расчёты, а я всё пыталась угадать по его лицу, где ошиблась. Я не могла стоять спокойно, переступала с ноги на ногу. Всё ждала, что он назовёт ошибку, а я начну объяснять, почему она случилась. Когда он поднял голову, объяснение уже было готово. — Я знаю, что это непрофессионально, — начала я, голос дрожал. — Я понимаю, что вмешиваюсь... Я просто хотела помочь. Может быть, я ошиблась в расчётах, я могу пересчитать, пожалуйста, не увольняйте меня сразу, я...

Гул турбины прервался резким звуком. Ладин захлопнул папку. — Хватит.

Я оборвала себя на полуслове. Он всё ещё держал папку закрытой. Неужели я так и не дам ему спросить о расчётах? Ладин повернулся ко мне. Он был выше меня на голову. Он заслонил окно, и я вцепилась в спинку стула, удерживаясь на ногах. — Мне не нужны твои извинения, Злата Сергеевна. Мне не нужна твоя жалоба на жизнь. Мне не интересен твой развод. Мне нужны цифры. Почему план цеха №4 провален? Объясни мне, как экономисту, а не как жертве обстоятельств.

Он сел за стол, жестом приглашая меня сесть напротив. Я села. Стул скрипнул. — Себе-стоимость единицы продукции выросла на двенадцать процентов за квартал, — начала я,

чувствуя, как страх уходит, уступая место профессиональному азарту. — Но отпускная цена осталась прежней. Это значит, что прибыль предприятия падает. Игнат закупает сырьё через фирму-однодневку «Техно-Стиль». Цены завышены на пятнадцать процентов относительно рынка. Плюс, он списывает брак как норму. В плановой калькуляции заложено два процента брака. По факту в цехе — восемь. Восемь процентов продукции отправляется в утиль, а в отчётности числится как проданная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.